

27. ВЕЧНЫЕ МСТИТЕЛИ

“Дорогая редакция! Прошу обратить особое внимание на мое письмо, так как оно имеет значение как в международной, так и внутренней обстановке. Военных преступников делают героями в книгах, вручают ордена. Прошу выделить корреспондента для установления справедливости. Много лет мы обращались во все органы, нигде не встретили поддержки. Нам звонят по телефону и советуют прекратить разоблачение предателей, которые окопались везде. Мне остается очень мало жить, перенес два инфаркта. Мне ничего не надо. Хочу, чтобы дети и внуки не смеялись над участниками войны, а гордились ими. Иван Матюшко, инвалид Великой Отечественной войны.”

“Уважаемый Анатолий Николаевич! Вам поручено сложное, запутанное дело, один вы не сможете разобраться. Прошу сообщить, куда приехать на встречу с вами. Даю слово партизана говорить правду.

Гитлеровцы при отступлении старались оставить в Беларуси завербованных агентов, надеялись вернуться. Один из агентов — Марта Фокина. Возможно, у нее группа. Партизанский комбриг Григорий Корнач после войны представил Фокину к награде, объяснил в КГБ так: “Я подписал характеристику Фокиной, уважая ее брата, офицера Советской армии.” Ее наградили за мои заслуги — операция “Кабель”, эшелоны и др. Комбригу известно, что Фокина была заслана в лес фашистской жандармерией.

Вот как Фокина сделала партизанкой. Попросила написать свидетельства меня, мою сестру Галю, еще бывших партизан. Я отказался давать ложные сведения, сестру тоже предупредил, но она не послушала и дала, так как Фокина обещала ей дать справку партизанской связной. Фокина думала, если я выдам ее, то выдам и сестру, которая благодаря ложному документу получила повышенную пенсию.

Фокина может сделать какой угодно документ. В письме моему партизанскому другу Петру Прусаку пишет: “Мой брат — профессор, работает в Москве, он научный руководитель многих минчан-историков, дружит с ректорами институтов, директорами архивов, работниками издательств.” Шпионская группа пишет справки за безграмотного комбрига, издает книги о войне. Иван Матюшко.”

“Корреспонденту Козловичу А.Н. От персонального пенсионера, инвалида Великой Отечественной войны второй группы, бывшей партизанки Войтик П.П. ЗАЯВЛЕНИЕ:

С начала оккупации немецкими фашистами Беларуси я включилась в подпольную работу. Работала связной партизанских отрядов (перечисляет номера — А.К.). Хорошо знаю Фокину Марту. Которая с приходом фашистов добровольно работала в гестапо переводчицей. С ней работали шпионами гестапо две ее сестры, а также (называет пять ФИО — А.К.). Ее отец работал у немцев на железной дороге.

В сентябре 1943 года Фокина была заслана отъявленным фашистом Хорсом в бригаду Корнача. С ней прибыли (называет три ФИО — А.К.). Одного наши разведчики обнаружили на тайной встрече с полицаями. Он был доставлен в отряд и 1 мая 1944 года расстрелян как шпион. Были расстреляны еще двое, которые пришли с Фокиной. Разведчики ставили вопрос о Фокиной, но ее спас начальник штаба Завостенко, которого она покорила своей внешностью. Фокина сдала на казнь фашистам, только я знаю, восемь наших товарищей. Кого и куда отправляют на задание, она узнавала от Завостенко.

Приведу пример. Товарищ Завостенко вызвал соседку Фокиной по нашему городу Ольгу Демеш, подрывницу, дал задание идти и подорвать эшелон. Фокина, зная, что Демеш идет, что-то написала на бумажке. Сложила треугольником, обшила швейной машинкой. Просит Ольгу, чтобы не заходя домой занесла письмо маме. Пусть знает, что я жива. Ольга Демеш взяла письмо, зашла к тете в деревню, где встретила тринадцатилетнюю сестру Лиду. Которая сказала, что мама передала, что на партизан надвигается блокировка, в город не надо идти. Ольга вынула из кармана письмо Фокиной, дает Лиде и говорит, что та просила не заходя домой отнести маме. Демеш Лида подошла к дому Фокиной и только открыла калитку, как ее схватили два немца. Отобрав письмо, они били Лиду сапогами. Бросили в машину, увезли в гестапо. Соседи сообщили маме Лиды. Которая схватила шестилетнего сына и побежала в лес к партизанам.

Фокина в январе 1941 года вышла замуж за отъявленного фашиста Хорса. Какая была свадьба! Сначала у отца Фокиной, а потом Хорс забрал всю компанию и продолжили в гестапо. Подруга Фокиной Галя Матюшко вышла замуж за немца Ганса. Когда ее брат Иван Матюшко пришел на задание в город, он решил зайти к сестре. Галя сказала ему, что у нее муж немец, что больше советской власти не будет, а ты находишься в банде. Иван увидел, что идет Ганс, и побежал. Ганс его заметил, спрашивает у Гали, кто это. Она отвечает, что партизанский бандит. Ганс выскочил с пистолетом, начал стрелять вдогонку. Иван спасся от фашистской пули. (Подобное Иван Матюшко мне не рассказывал. Скрыл? Пожалел престарелую сестру? — А.К.)

Начштаба Завостенко знал, что Фокина заслана в лес как шпионка. Но после войны он написал ей такую характеристику, как ни одному партизану. Что она закончила в бригаде курсы подрывников. Наши партизаны говорят, что никаких курсов она не кончала, в операции "Кабель" не участвовала.

У нас в отряде была подрывница Маруся Шачикова. Когда она пошла на задание с Демеш Ефросиньей, мамой Ольги и Лиды, и с ними один партизан, то им навстречу выскочили немцы и шпион Коптуров, друг Фокиной. Они схватили троих партизан. Это было в марте. Как они их били, пытали, даже страшно вспомнить. Марусю раздели догола, заживо отрезали грудь, уши, нос. Маруся истекала кровью, а фашисты заставляли их яму копать. Маруся кричала из последних сил, что мы, говорит, погибнем, но за нами идут тысячи патриотов. Фашист выстрелил ей в затылок. Разве не Фокиной работа — сообщить! Завостенко пишет о войне, а про Марусю и про Ефросинью Демеш не соизволил. Ему только расписать Фокину и банду.

Фокина знает, что я много знаю. Ее бандиты ломались ко мне в квартиру, угрожали по телефону. Один раз преследовали на улице. При народе я крикнула агенту: на каком основании преследуешь? Выругался и убежал в неизвестном направлении. Ой, какая ложь творится! Как обидно, что предателей перетаскивают в герои. Нет слов для выражения. Я желаю с вами встретиться. Куда приехать?"

Партизан довели до такого состояния, что обивать столичные пороги для них стало нормой. Мой приезд в городок О. они восприняли как праздник. Меня встретили дедушки и бабушки, одетые в свои лучшие наряды. Милые одуванчики согнулись под тяжестью орденов, медалей, значков. Под перезвон боевых наград поредевший партизанский отряд, сосредоточившийся в квартире Матюшко, выпил водки, чаю, назначил меня командиром операции "Правда".

Сообща выработали тактику: каждый наедине со мной, в соседней комнате, рассказывает, что знает о Фокиной, слова подкрепляет документами, если имеются. Я сопоставляю их факты, сравниваю с фактами Завостенко, уточняю в архиве. Так достигается стратегическая задача по установлению ПРАВДЫ. Для начала, чтобы не растекаться памятью по древу партизанщины, решили сосредоточиться на боевой операции, о которой они говорили больше всего, — "Кабель".

Ставку Гитлера и группу армий "Центр" связывал подземный кабель, проложенный кратчайшим путем от Берлина в направлении Москвы. Примерно по линии нынешней европейской автодороги Е-30 (Париж-Берлин-Варшава-Минск-Москва). Кабель, естественно, стал объектом партизанских диверсий. Старики рассказывали, как рубили ненавистный

кабель, дезорганизуя немецкие войска, приближая Победу. Кабель портили не отрядом, а по двое-трое, в различных местах, в разное время года и суток. Из рассказов выходило, что Ставка практически была без связи, так как кабель был постоянно испорчен.

Меня заинтересовала технология порчи. Партизаны говорили, что рубили кабель лопатой, топором, резали ножом. Взрывать было нельзя, чтобы не привлечь охрану. Подкопаться к жиле, перерезать. На какой глубине лежала? Они называли каждый свою мерку — от полметра до полутора. Какой толщины был кабель? Бабушки говорили, что такой толстый, как... ну как полено. Дедушкам гитлеровский кабель запомнился более тонким, как ручка лопаты. Надо было попотеть. Рубишь-рубишь — лезвие лопаты загибалось, точил напильником. "Так ведь надо было тихо?" — осторожно уточнял я, на что дедушка неопределенно отвечал, что в том месте кабель не охранялся. "Почему бы не рвануть толом?" — "Наверно, не взяли", — говорил рассказчик неуверенно. Лишь один дед вспомнил, что прежде чем идти ночью рубить кабель, он в отряде укоротил ручку топора: "Траншея узкая, с коротким топорщиком рубить сподручнее". Я ему поверил.

Свидетельствовала историческая ДЕТАЛЬ: этот дедушка перерезал вражью жилу. Его боевые друзья конкретики не называли. Может, забыли за столько лет? Может, их посылали на какой-то другой кабель? Может, и Фокину посылали? Шпионка ради ширмы могла попросить друга-начштаба отправить на кабель.

Взволнованные одуванчики, вы знаете о всех операциях, организованных Завостенко? "О всех не знаем, — грустно согласились они, — в партизанах мы были МАЛЕНЬКИЕ ЛЮДИ. И сейчас маленькие." Как же доказать, что Фокина не рубила кабель, незаслуженно получила орден? Как уличить ее в шпионаже, если вы не располагаете документами, а лишь партизанской молвой да слабеющей памятью?

Своей дотошностью я испортил им праздник.

Старики из городка О. называли себя МАЛЕНЬКИМИ ПАРТИЗНАМИ, таким образом отделив себя от БОЛЬШИХ ПАРТИЗАН. Комбриги, начштабы, парткомиссары, комсомольские вожаки после войны заняли ключевые посты в партийном и государственном аппаратах, руководили восстановлением страны, быстро продвигались по служебной лестнице, обзаводились учеными степенями, сочиняли книги о военном прошлом, на свой вкус творили историю, лично дозировали факты и события партизанского движения.

От маленьких партизан большие партизаны отличались тем, что были обложены документами. Некоторые еще руководили, иные были на пенсии,

однако всякий вываливал передо мной тщательно сформированный личный архив, которым бил сражающийся за правду партизанский отряд из городка О. Они легко побеждали восставших одуванчиков. Ректор института снисходительно смеялся. Доктор наук называл одуванчиков выпавшими из контекста истории. Редактор издательства посоветовал мне не ставить палки в "налаженный процесс воспитания патриотизма на партизанском подвиге народа".

Я видел, как пекутся воспоминания больших партизан. В процессе участвуют трое: вспоминающий, литзаписчик, литредактор. Первый приносит "рыбу", штрихи личной памяти. Второй делает сюжет: этот бой вынимает из созревшей ржи и вставляет в зеленый луг у деревни Н., где стоял гитлеровский гарнизон. Вспоминающий слабо протестует: гарнизон стоял не в Н., а в М. Литзаписчик возмущается: какая читателю разница? Если не хотите, ищите, кто доведет до ума вашу писанину. Партизан соглашается. Главное для него, что в совместном произведении присутствует он.

Рукопись, ороманенная литзаписчиком (в большинстве это коллеги, не способные сочинить нечто собственное, пользующиеся штампами), поступает к литредактору. Тот замечает, что на зеленом лугу бой был в книге большого партизана К., давай-ка сделаем бой с участием твоего старика зимой, на железнодорожной станции: снег, чернеют рельсы, между ними фигурки залегших партизан, твой поднимается, увлекает в атаку...

Новоиспеченная книга появлялась в магазине, где полки уже сгибались от сотен подобных. Они перекочевывают в домашние и публичные библиотеки, фигурируют как ИСТОЧНИКИ в докладах и лекциях, участвуют в процессе "патриотизации" общества, настойчиво возвращают мирного современника в войну, милитаризируют историю страны, искажают национальный характер. "Ты откуда?" — "Из Беларуси." — "А, партизан." В последнее время могут добавить: "А, Лукашенко."

Да не партизаны мы, белорусы. Партизанщина — военная тактика, а не примета народа. Партизанщина была так давно, что ее никто толком не помнит. Нельзя же назвать партизанскими ночные вылазки теперешних белорусов на чужие огороды за картошкой. Это либо обычное воровство, либо последний способ выжить в нищете маленьким людям, бывшим маленьким партизанам, их маленьким детям, их маленьким внукам, их маленьким правнукам.

Видите, как много времени прошло после войны: родились правнуки. Их тоже загнали в военное поселение Беларусь, где под наглядом местного аракчеева они должны заниматься сельским хозяйством, готовиться к войне с НАТО, изучать книги большого партизана Завостенко, брать пример с его

лесной любовницы Фокиной. Кстати, она единственная в этой истории, с кем я не встретился.

Хотел пойти на встречу с Фокиной во всеоружии справок и документов, но нет к ним доверия. Нет больше у нас, одуванчики, оружия, чтобы восстановить справедливость. Правда о партизанской войне утеряна. Никто не узнает, что КОМЛАБОРАНТОВ-БЕЛОРУСОВ было значительно больше, чем, как принято считать, отдельных отщепенцев. Потомкам не понять, что Великая Отечественная была для белорусов одновременно ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНОЙ. Навеки предано презрению ПАССИВНОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ белорусов насилию, будь то насилие гитлеровской власти или партизанской реквизиции хлеба, одежды, скота, жизни, хотя народ-то выжил благодаря тихому сопротивлению (показано в произведениях Ивана Чигринова, за что писатель подвергался разному и цензуре).

Правда заменена мифом, сочиненным большими партизанами и поддержанным... маленькими партизанами. Из мифа следует, что в 1941-1944 годах белорусы были поголовно комбатанты. Осталось довать, что они были двухметрового роста.

О бывшей войне не узнаешь правды, если проигнорируешь реалии послевоенные. Чтобы определить характер воспоминаний фронтовиков и партизан, необходимо проследить их мирную жизнь. Пятьдесят пять послевоенных лет можно рассматривать как процесс превращения победителей в побежденных, завоевателей в рабов. Обида и растерянность стариков вклинились в их воспоминания о молодости. Появились, по терминологии Фрейда, ПОКРЫВАЮЩИЕ ВОСПОМИНАНИЯ.

Война покрылась позднейшими наслоениями жизни, чувств — нищенским существованием, бесправием, обожествлением прошлого военного успеха, желанием вернуться в боевую молодость и получить оружие, милитаризацией сознания, готовностью к войне. Большие партизаны (и солдаты) войну мифологизировали госпартипропагандой, маленькие партизаны (и солдаты) — покрывающими воспоминаниями. И те и другие в штыки восприняли правду о войне Василя Быкова, очищенную от покрывающих идеологизмов. Их ненависть к правде, их патриотический милитаризм подхватил правящий режим, сделавший Быкова изгоем.

Тенденциозные воспоминания творят ложную историю. Мотивированная забывчивость вытравливает из народной памяти все, что кажется неудобным, некрасивым, обидным для национального характера. Белорусы идентифицируют себя только в военных мифах. Они убеждены, что, кроме агрессивной партизанщины, ни на что не способны. За пацифические настроения они изгнали из страны Алеся Адамовича.

Свойство памяти — сглаживание острых углов прошедшей жизни. Так происходит ГУМАНИЗАЦИЯ ПАМЯТИ. Из воспоминаний Героя Советского Союза старшего сержанта Ильи Съянова (цитирую по "ЛГ"): "В рейхстаге в кошмаре и угаре, смешавшись с отборными фашистами, убивали один другого, и вот уже дело шло к концу и перевес на нашей стороне, но слишком уж много было убийств и чересчур были они ощутимы, ведь приходилось руками душить за горло и тут же в них стрелять или нож втыкать, и его же кровью тебя обрызгивало. И иногда в сознании мелькало, что, может быть, это в какой-то воспаленной горячке делалось. Может быть, мы не правы."

Так приходит ПРОЩЕНИЕ ГРЕХОВ вплоть до библейского всепрощения, под которое подпадает и ФОКИНА (прости же Матюшко сестре!). Теплеет общественная атмосфера. Оттаивает душа. Возникают новые предпосылки для дружбы народов, умытых общей кровью. Завязываются экономические связи. Улучшается жизнь.

А белорусы — вечные мстители. "Ничто не забыто! Никто не забыт!" — Заклинает динозаврик с биркой "БПСМ", ПЛОД БОЛЬШОЙ И МАЛЕНЬКОЙ ЛЖИ. Распираемый воинствующей памятью предков, подкармливаемый властью, он растет не по дням, а по часам.

Имена действующих лиц изменены по этическим и юридическим мотивам. Имена ушедших изменить невозможно, они принадлежат Истории.

1999